

Источник: Ефремов, В. А. Этнонимы в составе фразеологизмов: истоки языка вражды / В. А. Ефремов // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке : Материалы международной научной конференции, Тула, 17–19 мая 2018 года. – Тула: Тульское производственное полиграфическое объединение, 2018. – С. 217-222

В. А. Ефремов
Санкт-Петербург, Россия

Этнонимы в составе фразеологизмов: истоки языка вражды

Исследование выполнено при поддержке Funds of VolkswagenStiftung (Germany) в рамках проекта «Aggression and Argumentation: Discourses of Conflict and Their Linguistic Negotiation».

«Язык вражды» (hate speech) в самом общем виде определяется как «все формы выражения, включая распространение, провоцирование, стимулирование, или оправдания расовой ненависти, ксенофобии, антисемитизма или других видов ненависти на основе нетерпимости, включая нетерпимость в виде агрессивного национализма или этноцентризма, дискриминации или враждебности в отношении меньшинств, мигрантов и лиц с эмигрантскими корнями» (Recommendation..., 1997).

Первоначально в российской науке риторика ненависти исследовалась в контексте социологических исследований, а также в примыкающих к ним трудах по психологии, этнологии, политологии и др. Русскоязычные лингвистические исследования проблемы языка вражды начали появляться в 1990-е гг. (например, работы В. И. Жельвиса об инвективности) и отчасти были обусловлены распадом СССР и его социокультурными последствиями. Затем интерес к данной проблеме актуализировался и продолжает сохраняться в рамках бурно развивающейся лингвоэкспертологии, прежде всего в делах об экстремизме (см., например, (Экстремистский текст..., 2014). Кроме того, исследования языка вражды в отечественных СМИ проводятся и в журналистско-социологическом ключе, например, в работах информационно-аналитического центра «Сова» (<http://www.sova-center.ru>).

Несмотря на то что собственно лингвистическая проблематика языка вражды применительно к русской лингвокультуре начала осмысляться относительно недавно (Язык вражды..., 2006), эту проблему можно включить в более широкий круг общефилологических исследований, посвященных вербализации архетипической для человеческого сознания и культуры оппозиции «свой – чужой». Более того, представляется, что одним из истоков языка вражды в любой лингвокультуре как раз и является такой пласт, как фразеология, прежде всего те ее элементы, которые транслируют представление об иных культуре, вере, языке.

Фразеология, как и фольклор, отражают древнейшие элементы культуры, в том числе и существующие (или существовавшие) в ней языковые стереотипы («суждение или несколько суждений, относящихся к определенному объекту внеязыкового мира, субъективно детерминированное представление предмета, в котором сосуществуют описательные и оценочные признаки и которое является результатом истолкования действительности в рамках социально выработанных познавательных моделей» (Бартминьский Е., 2005, 136). В связи с этим особый интерес представляет обращение к анализу репрезентации тех или иных этнических стереотипов, вербализованных в русском фразеологическом и паремиологическом фонде.

Отдельная проблема для отечественной науки становится почти полное отсутствие фиксации в словарях фразеологических единиц, включающих в свой состав этнонимы: «языковые факты такого рода, фиксирующие характеристики и оценки этническими соседями друг друга, практически не собраны и не введены в научный оборот, не говоря уже о том, что при переиздании словарей и других источников XIX в. в советское время из них попросту исключался «национальный» материал (такое состояние источниковой базы характеризует практически все славянские научные традиции, за исключением разве что польской)» (Березович Е. Л., 2007, 117).

В качестве материала для анализа фразеологизмов и паремий, содержащих компонент-этноним, хорошую службу может послужить такой важный дореволюционный источник, как словарь «Пословицы русского народа» (1-е изд. – М., 1862; 2-е изд. – СПб.; М., 1879) В. И. Даля.

В этом словаре, построенном по принципу тематического, сам автор выделил особый раздел, озаглавленный «Народ – язык». В нем представлены 107 единиц: паремии и фразеологизмы, характеризующие представителей тех или иных этносов. Сразу необходимо отметить, что ни одна из представленных единиц не является мелиоративно окрашенной. Таким образом, можно утверждать, что в словаре пословиц и поговорок В. И. Даля вообще нет положительных упоминаний представителей тех или иных народов. (Предварительный и беглый анализ «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля подтверждает подобное состояние дел и в нем.)

Особого внимания заслуживает авторская классификация описываемых единиц, которая, по-видимому, во многом отражает наивную классификацию этносов, присущую рядовому носителю русского языка в эпоху расцвета Российской империи. Сам В. И. Даль распределяет описываемые единицы по пяти безымянным группам, которые можно обозначить следующим образом: 1. Иностранцы вообще и *немцы* (см. ниже); 2. Европейские народы, не входящие в состав Российской империи: *англичане, итальянцы, французы*; 3. *Поляки и литовцы*; 4. Скандинавы:

шведы и финны; 5. Все остальные народы, входящие в состав Российской империи. Данная классификация достойна отдельного исследования как с точки зрения ее историко-культурного генезиса и хронологических трансформаций, так и с точки зрения отражения в ней великодержавного шовинизма.

Распределение единиц, содержащих компонент-этноним или называющих те или иные народности, по убыванию выглядит следующим образом: *немцы* (в двух значениях, которые в «Толковом словаре...» В. И. Даль определяет так: 'не говорящий по-русски, всякий иностранец с запада, европеец (азиатцы – бусурмане); в частности же, германец') – 19; татары – 17; евреи (*жиды*) – 11; поляки – 8; французы, цыгане и чуваша – 7; греки – 5; литовцы (*литвины*), мордва – 4; зыряне – 3, калмыки, чудь – 2; швед, финн, англичанин, итальянец, грузин, молдованин (*молдован*), тунгус, самоед – 1.

На основании анализа этого раздела словаря В. И. Даля общее отношение русского народа к иноземцам можно проиллюстрировать последней пословицей первой группы (отметим, что никакой логики (алфавитной или тематической) в подаче словарного материала внутри разделов нет; следовательно, сам автор волен был выбирать финальный аккорд): *«Немец хоть и добрый человек, а всё лучше повесить»*.

Тот факт, что для русского человека сама по себе этническая идентичность того или иного иноземного человека, является весьма размытой категорией (ибо главное, что он чужой!), неоднократно подтверждается вариативностью компонента-этнонима:

У немца (француза) ножки тоненьки, душа коротенька.

Француз (поляк) боек, а русский стоек.

Кто цыгана (жиды) обманет (проведет), трех дней не проживет.

Моя твоя — твоя моя — да и только (т. е. татарин, не знающий по-русски, или калмык).

Такие замены, не имеющие никакой культурной или этнографической состоятельности с точки зрения здравого смысла и логики, легко объяснимы с точки зрения формирования наивной языковой картины мира. Во-первых, «наивным» понятиям такого рода свойственна высокая степень диффузности: название одного народа легко переходит на другие — близкие по антропологическим, языковым, социальным признакам или же проживающие на соседней территории. При этом происходит «генерализация» семантики или же заместительный "сдвиг"» (Березович Е. Л., 2007, 118). Во-вторых, для бытования этнических гетеростереотипов подчас гораздо важнее их аффективная, социальная и интегративная функции (Ефремов В. А., 2009, 92), нежели точность номинации: во многих ситуациях достаточно просто маркировать чужого, не вдаваясь в подробности его этнической идентичности.

Одновременно в языковой картине мира русского обывателя XIX в. отражена даже своего рода аксиологическая шкала этносов, представляющая ценность тех или иных народов по отношению друг к другу: *На одного жида — два грека, на грека — два армянина, на одного армянина — два полтавских дворянина*. Интересно, что именно эта пословица попала в «Еврейскую энциклопедию» Брокгауза и Эфрона со следующим комментарием: «Немало, однако, пословиц, в которых подчеркивается, что тем не менее по части ловкости и хитрости еврей приходится уступать представителям других наций» (ЕЭБЕ, 1911, стлб. 772).

Важно отметить, что 4 этнонима В. И. Даль приводит в отдельной словарной статье, вне каких-либо контекстов, но лишь фиксируя их метафорическое (и узуальное!) употребление для обозначения отрицательных черт или поведения человека: «*Татарин (т. е. плут). Грек (т. е. мошенник сквозной). Жид (мошенник и скряга). Цыган (вор и мошенник)*» (Даль В. И., 1862, 436).

Исходя из такой семантической и лексикографической маркированности и приведенного выше количественного анализа, не трудно заметить, что самые «любимые» этнонимы русского народа (по данным паремий и фразеологии) — это *татары, евреи (жиды) и цыгане*.

Анализируя многочисленные номинации диалектов, жаргонов и просторечия, Е. Л. Березович также приходит к выводу об актуальности для восточнославянской картины мира пейоративно окрашенных образов еврея и цыгана: «Так, предсказуем тот факт, что лидерами по количеству вторичных номинаций, а также по "накалу" экспрессии в лексике восточнославянских языков (и, возможно, целого ряда других европейских языков) будут "цыган" и "еврей" — обозначения этносов, которые на протяжении многих веков являются "чужими среди своих" для восточных славян» (Березович Е. Л., 2006, 17).

Важно отметить, что данные диалектологических словарей также подтверждают сохраняющуюся актуальность негативно окрашенных фразеологизмов с компонентом-этнонимом, обозначающим тот или иной народ России, отличающийся по языку или (что зачастую важнее) вероисповеданию. Так, в работе (Сироткина Т. А., 2005) убедительно показана консервация негативного образа татарина как минимум во фразеологизмах пермских говоров: *татара в голове, татара родился* и др.

Этнофолизм *хохол* многократно описан в анализируемом словаре В. И. Даля, однако в другом разделе — «Русь — родина», что также отражает экстралингвистические представления жителя Российской империи XIX в. В отличие от калмыков, татар или чувашей, *малороссы* («Малороссы — Мазепинцы, хохлы, чубы» (Даль В. И., 1862, 430) рассматриваются как свои, близкие люди, однако и о них все 10 речений свидетельствуют

только отрицательно: с *Индейка из одного яйца семерых хохлов высидела до Он хохол (т. е. хитер и упрям)*.

Такого рода негативное описание украинцев как членов большой семьи российских народов позволяет затронуть еще более интересный извод русского языка вражды XIX в., а именно – язык вражды, обращенный на жителей тех или иных регионов Российской империи, которые явно относятся к титульной нации и говорят на русском языке (хотя, быть может, и с некоторыми диалектными особенностями).

Поразительно, но в анализируемом словаре В. И. Даля можно найти пейоративные оценки едва ли не всех жителей России: от архангелогородцев (*Город Архангельский, а народ в нем дьявольский*) и новгородцев (*Новгородцы — долбежники. Упрям, как новгородец*) до рязанцев (*Рязанцы <...> Мешком солнышко ловили, блинами острог конопатили*) и смолян (*Смоляне — польская кость, да собачьим мясом обросла*). Однако такого рода извод языка вражды требует иного изучения и, как представляется, связан с той же древней когнитивной дихотомией «свой – чужой», но актуализирующийся не по лингвокультурному (как в случае традиционного языка вражды), а по территориальному принципу.

Итак, анализ фразеологического и паремиологического фонда русского языка XIX века позволяет не только реконструировать истоки современного языка вражды, но и наметить дальнейшие пути исследования значимой для современных гуманитарных исследований оппозиции «свой – чужой».

Литература

Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике [Текст] / Е. Бартминьский. – М. : Индрик, 2005. – 512 с.

Березович Е. Л. О явлении лексической ксеномотивации [Текст] / Е. Л. Березович // Вопросы языкознания. – 2006. – № 6. – С. 3–18.

Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования [Текст] / Е. Л. Березович. – М.: Индрик, 2007. – 600 с.

Даль В. И. Пословицы русского народа: сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок и проч. [Текст] / В. И. Даль. – М.: Имп. О-во истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1862. – 1096 с.

Еврейская энциклопедия. – Т. XII. – СПб: Изд-во Брокгауза и Ефрона, 1911. – 479 с. (ЕЭБЕ)

Ефремов В. А. «Мужчина» и «женщина» в русской языковой картине мира [Текст] / В. А. Ефремов. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2009. – 184 с.

Сироткина Т. А. Устойчивые сочетания с этнонимами в говорах Прикамья [Текст] / Т. А. Сироткина // Фразеологические чтения памяти проф. В. А. Лебединской / Отв. ред. Н. Б. Усачева. – Курган: КГУ, 2005. – С. 175–177.

Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности [Текст] / Отв. ред. Н.А. Купина, О.А. Михайлова, И.Т. Вепрева. – Екатеринбург: УрГУ, 2006. – 560 с.

Экстремистский текст и деструктивная личность [Текст] / Антонова Ю. А. и др. – Екатеринбург: УрГУ, 2014. – 276 с.

Recommendation No. R (97) 21 of the Committee of Ministers to member states on the media and the promotion of a culture of tolerance [Электронный ресурс]. URL: <https://rm.coe.int/168050513b>